

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИНТЕНЦИИ В СССР КОНЦА 80-х ГОДОВ: МОДЕЛИ И ПРЕДЕЛЫ

ПЕРЕСТРОЙКА: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР И «ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ» В СИСТЕМЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Опубликовано частично: Коммунист.— 1988.— № 6.— апрель. С. 28—32 (в рубрике «Демократизация партии — демократизация общества». Заочный «круглый стол» «Коммуниста»)

«...Тревога за судьбу перестройки у трудящихся не проходит»,— констатировал в докладе на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС М.С. Горбачев. Выступая же ранее перед работниками средств массовой информации, он прямо заявил: «...Перестройку надо защищать...» Но от кого защищать и чем вызвана непроходящая тревога общественности?

Думается, ответ на эти вопросы надо искать не только (и, может быть, не столько) в недостаточно последовательной реализации некоторых принимаемых ныне решений, особенно на местах, сколько в противоречивом историческом опыте прошлого, когда на протяжении жизни одного поколения страна трижды столкнулась с грубыми нарушениями социалистических принципов или не менее грубыми просчетами в управлении. Вот общеизвестные факты.

Неоспоримые достижения в формировании и упрочении социалистического общественного строя, самого гуманного по своему историческому предназначению, сопровождались в СССР в 30-х — начале 50-х гг. массовыми репрессиями, которые были продуктами политического режима, связанного с культом личности И. В. Сталина, и привели к тяжелым человеческим потерям. XX съезд КПСС развенчал теорию и практику культа личности, положив начало осуществлению курса на демократизацию общественной жизни. Однако на рубеже 50—60-х гг. параллельно усиливавшемуся восхвалению и самовосхвалению нового руководства начались непродуманные эксперименты в управлении народным хозяйством и других областях, обернувшиеся серьезными потерями в экономике. Октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС, решительно осудив субъективизм, принял меры к его преодолению. Но и здесь не обошлось без потерь. Как уже отмечалось в печати, «преодоленными» оказались впоследствии и многие разумные начинания, осуществлявшиеся в рамках линии XX съезда. Наконец, в 70-х — начале 80-х гг. во всех областях жизни общества проявились застойные явления и деформации такого масштаба, что страна оказалась в предкризисном состоянии, а ее экономика на рубеже десятилетий — фактически в состоянии стагнации, причем то и другое, согласно анализу январского (1998 г.) Пленума ЦК КПСС, было следствием преобладания в руководстве консервативных настроений, инерции, нежелания решать назревшие вопросы.

Да, общественный прогресс, и это прекрасно понимали подлинные сторонники социализма — не тротуар «Невского проспекта»; да, партия каждый раз находила в

себе силы, чтобы исправить положение; да, неверно было бы за ошибками и злоупотреблениями не видеть того, что дал трудящимся социализм.

Но все же почему так много зигзагов в действительно великой и драматической советской истории? И не только советской: о деформациях социализма и необходимости их преодоления речь шла, например, на последнем съезде Болгарской коммунистической партии, не говоря уже о политических кризисах в Венгрии, Чехословакии и Польше.

Одна из причин, чаще всего отмечаемых в политических документах и научной литературе,— причина несомненно важная,— состоит в новизне и сложности задач, решаемых в процессе становления нового общества. Однако видеть в этом корень проблемы — значит закрывать глаза на очевидные факты. Достаточно, например, сопоставить «большой скачок» в КНР в конце 50-х гг., программную установку на построение основ коммунистического общества в СССР к началу 80-х и стратегию создания «второй Польши» в 70-х, чтобы увидеть единство в этом многообразии. Причем в истории отдельных социалистических стран (включая Советский Союз) можно встретить неоднократное повторение не только чужих, но и собственных просчетов, а некоторые из этих просчетов вообще невозможно «списать» на сложность и новизну.

Столь же часто негативные явления в сфере управления социалистическим обществом объясняют причинами субъективного характера, случайными. Диалектика учит, однако, что за случайностью, тем более повторяющейся сколько-нибудь регулярно, скрывается необходимость, в обнаружении и изучении которой и состоит прежде всего долг науки.

В поисках этой необходимости обратимся еще раз к многократно исследовавшимся обществоведами-марксистами сущностным характеристикам коммунистической формации, обуславливающим особую роль в ее становлении, функционировании и развитии субъективно-человеческого фактора. Ведь как сама возможность влияния личности на судьбу общества, так и размеры такого влияния «определяются организацией общества, соотношением его сил. Характер личности является «фактором» общественного развития лишь там, лишь тогда, лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения» (Г. В. Плеханов). Именно таков был всегда марксистский подход к проблеме, и именно этот подход позволяет исследователю избежать своего рода оптического обмана, когда за личную силу политического деятеля принимается та общественная сила, которая его выдвигала и поддерживала. Судя по отношению средств массовой информации и многих политологов Запада к советским руководителям прошлого и настоящего, такой «оптический обман» остается явлением, достаточно распространенным.

* * *

Известно, что социализм — единственное в истории общество, которое не может возникнуть стихийно и которое поэтому приходится «строить» (а в случае необходимости — и «перестраивать») в полном смысле этого слова. Люди здесь не только могут, но и должны сознательно формировать объективные основы собственного развития, сознательно налаживать чрезвычайно сложную и тонкую

сеть новых организационных отношений, тогда как при капитализме основной организующей силой «является стихийно растущий вширь и вглубь рынок, национальный и интернациональный» (В. И. Ленин).

Объективность законов социализма отнюдь не равнозначна, следовательно, автоматизму их действия. Она означает лишь то, что система руководства и управления, и прежде всего правящая партия, не в состоянии обеспечить движение вперед, не руководствуясь этими законами, а пренебрежение ими или недооценка их ведет к деформациям, а то и политическим кризисам, вызывает к жизни «механизм торможения». Иначе говоря, при социализме человеческий фактор, так сказать, «вмонтирован» в механизм действия самих объективных законов развития общества.

Таким образом, переход от преимущественно стихийного характера общественных процессов к сознательному управлению ими, будучи, несомненно, крупным историческим достижением и знаменуя скачок человечества из царства необходимости в царство свободы, как всякий прогресс, содержит в себе противоречия и негативные возможности. Не говоря уже о том, что строительство социализма и обеспечение его динамичного, ускоренного развития требует несравненно больших созидательных усилий несравненно больших масс людей, чем при стихийно действующих законах становления и функционирования других общественных формаций; не говоря уже о том, что социалистическому общественному организму приходится постоянно заботиться, чтобы в «порах» его не возникали стихийно несоциалистические отношения; нужно иметь в виду и следующее: чрезвычайная сложность познания, а тем более практического использования законов социальной жизни в сочетании со множеством других, подчас более важных, причин (несовпадение общественных и групповых интересов, ведомственность, бюрократизм и т. п.) делают ошибки в управлении социалистическим обществом достаточно вероятными. А поскольку сфера сознательного управления и его возможности здесь шире, чем когда бы то ни было прежде, пропорционально растет и цена таких ошибок. Как свидетельствует исторический опыт, цена эта может быть очень велика.

Разумеется, есть ситуации (современная как раз из их числа), когда боязнь ошибок, сковывающая активность руководителей, сама является худшей ошибкой. Но до сих пор социализм больше страдал не от такой боязни, не от излишних сомнений в правильности принятых решений, а от абсолютизации последних, представления их в качестве единственно правильных, а порой — в доведении до абсурда в ходе практической реализации. Не менее чем смелость и новизна подходов, требуются ныне их взвешенность и обоснованность. Вполне актуальной, с некоторыми поправками на время, остается следующая ленинская мысль: «Надо вовремя взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвостовству и т. д. Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятность... Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем...».

Реализация преимуществ социализма зависит, следовательно, в очень большой мере, если не главным образом, от субъективного фактора: они становятся

преимуществами лишь при правильном использовании, в противном же случае просто утрачиваются. Плохое планирование, например, может порождать — и в ряде случаев уже порождало — не меньшую по масштабам, хотя и иную по содержанию и формам проявления (например, бюрократически-ведомственную) стихийность общественного развития, чем капиталистический рыночный механизм. С той лишь разницей, что последний в той или иной мере обладает способностью к «автоматическому» саморегулированию, тогда как при социализме преодоление дисбалансов нуждается опять-таки в их научном осознании, в разработке и практическом осуществлении соответствующих мер.

Помимо ослабления стихийной регуляции, социальной жизни, другой сущностной характеристикой социализма, обуславливающей возрастание роли субъективно-личностного момента в управлении, является социально-политическое единство общества. Едва ли нужно специально доказывать, что такое единство общественной системы, не знающей при нормальном ее развитии социальных антагонизмов и классовой борьбы, теоретически представляет собой важное историческое преимущество, однако и у этой «медали» есть своя обратная сторона.

Поскольку не существует обособленных собственников, в известной мере не зависимых от политической власти и, более того, способных оказать на нее давление; поскольку все классы и социальные группы находятся, так сказать, «по одну сторону баррикад» (по крайней мере, по месту в системе общественного производства), да и самих «баррикад»-то вроде бы нет; с одной стороны, отсутствуют и объективные основы для возникновения политической оппозиции, заинтересованной в выявлении недостатков (действительных или мнимых — другой вопрос) в деятельности правящей партии и государственной власти, а с другой — степень доверия масс к политическому руководству, как правило, весьма высока. По крайней мере, на первых этапах создания нового общества широкие слои населения обычно признают это руководство «своим», отношение к нему рассматривают в качестве критерия преданности отечеству, а иногда — социализму. Вследствие всего этого складываются такие благоприятные условия мобилизации населения на решение социальных задач, какие прежде возникали лишь в редкие исторические моменты «общенациональных» революций, национально-освободительных войн и т. п. Однако высокая степень доверия масс нередко оказывается обстоятельством, благоприятствующим субъективизму, выдвиганию ложных ориентиров, не говоря уже о сознательном манипулировании.

* * *

Если, исходя из названных выше и некоторых других сущностных характеристик коммунистической формации, удастся объяснить, почему роль субъективно-человеческого фактора в управлении обществом здесь значительно возрастает, то это отнюдь не означает еще ответа на вопрос, почему этот фактор не так уж редко «работает» не на благо общества, а — осознанно или неосознанно — ему во зло?

Абстрактно говоря, возможность бюрократизма, рождающего злоупотребления, заложена в самой природе политической власти, которая при социализме еще необходима, в делении общества на управляющих и управляемых и т. п. Она не

исчезнет, следовательно, пока существует государство. Превращение же этой возможности в действительность определяется целым комплексом причин, главным образом конкретно-исторического характера, каждая из которых заслуживает того, чтобы стать предметом самостоятельного исследования. Назовем лишь некоторые из них.

Прежде всего это сложившиеся в большинстве социалистических стран командно-административные нормы управления обществом, связанное с ними непомерное разрастание управленческого аппарата (в СССР, по некоторым данным, до 18 миллионов человек в начале 80-х гг.) и, как следствие этого и других обстоятельств,— значительные наросты бюрократического централизма. Яркий и убедительный анализ достоинств и пороков административной системы содержит статья Г. Попова «С точки зрения экономиста» (о романе Александра Бека «Новое назначение») (Наука и жизнь.— 1987.— № 4). Не воспроизводя подробно выводов ее автора, отметим лишь, что в известной степени такая система была исторически обусловлена. Но именно она, подорвав контроль «снизу», а в последние годы, как ни парадоксально — и «сверху», придав интересам правящих относительно независимость от интересов общества, создала благоприятный исторический фон для культа личности, субъективизма, консерватизма и т. п., а ныне является едва ли ни главным тормозом прогресса страны.

Другая причина — это уровень культуры вообще и политической культуры — в особенности. Как правило, изначально он был невысок: большинство социалистических стран, включая СССР, не пережили в дореволюционную эпоху сколько-нибудь длительного периода буржуазно-демократического развития, и, следовательно, буржуазно-демократические традиции не закрепились в политической культуре. Эта культура переживает взлет после победы революций в связи с невиданным прежде вовлечением трудящихся в созидание нового общества, однако командно-административные формы управления тормозят этот взлет. Более того, уровень культуры, будучи производным от состояния производительных сил, экономического базиса и политической надстройки, как всякое следствие оказывает обратное воздействие на породившие его причины, сам становится одной из основ недемократических методов правления. Культ личности Сталина, например, поддерживали широкие слои населения, и даже на рубеже 70—80-х гг. в СССР ощущались (отчасти ощущаются и до сих пор) вождистские настроения, надежды на сильную личность, которая могла бы стать «представителем порядка в беспорядке» (Ф. Энгельс). Мелкобуржуазный характер подобной психологии едва ли нуждается в специальном обосновании.

Пожалуй, лишь в последние десятилетия общая и политическая культура масс далеко опередила существовавшую управленческую практику, несмотря на тормозящее влияние последней. Этим отчасти и объясняется поддержка большинством народа курса на демократизацию, набирающего силу после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС.

Особо следует выделить состояние общественной науки и меру ее практического использования в управлении как важный критерий политической культуры социализма. Это состояние может быть как известной гарантией от ошибок, так и их условием. Признавая справедливость современной критики в адрес советского обществоведения, нельзя не отметить, что оно было продуктом

эпохи. Перефразируя Ф. Энгельса, можно сказать, что прежнее руководство страны имело такую общественную науку, какую оно заслуживало и — добавим — какую хотело иметь. Именно социальный заказ обусловил иллюстраторство и стремление большинства обществоведов «по-марксистски офундаментальность» (А. Гельман) любые принимаемые решения. К голосу же меньшинства просто не прислушивались. В изменившейся политической ситуации общественная наука уже активно разрабатывает необходимые практике рекомендации. В ближайшем будущем их число и обоснованность несомненно вырастут. Однако восприимчивость различных звеньев системы управления к таким рекомендациям остается пока делом самих управленцев, зачастую игнорирующих выводы науки.

Вывод из сказанного очевиден: если любому обществу не безразличны человеческие качества тех, кто стоит «у кормила» власти, то для социализма этот вопрос имеет (по крайней мере, имел до сих пор) совершенно исключительное, прямо-таки громадное значение, как правило, пропорциональное месту данной личности на управленческой «лестнице». Это хорошо понимал В. И. Ленин. Достаточно вспомнить, какую тревогу вызывали у него уже тогда проявившиеся на посту Генерального Секретаря ЦК РКП(б) личные качества И. В. Сталина и возможность его личного столкновения с Л. Д. Троцким,— возможность, которая, по мнению руководителя Октябрьской революции, могла создать угрозу ее будущему.

Здесь, пожалуй, допустима аналогия с хозрасчетным коллективом, доходы которого во многом определяются лицами, стоящими во главе, с той лишь разницей, что в масштабах, скажем, страны руководителям вверяются уже не только «кошельки», но судьбы, а иногда жизни миллионов людей.

Общество, следовательно, должно быть застраховано от случайностей. Оно не может полагаться на «доброе» партийного или советского работника любого ранга. Кроме того, как показывает опыт, процент «недобрых» в составе этой категории бывает иногда значительным, а влияние их огромным, благодаря все той же командно-административной системе управления. На возможность и основы этого явления не раз указывал В. И. Ленин, отмечавший, что положением в правящей партии при переходе к социализму неизбежно будут пытаться воспользоваться люди, желающие извлечь из этого положения личные выгоды. К сожалению, история слишком часто подтверждала неоспоримость этой суровой, но столь необходимой нам истины, справедливой не только для переходного периода, но, по-видимому, для всего обозримого будущего, пока сохраняются социальные различия и социальное неравенство. Такова еще одна причина злоупотреблений властью при социализме.

Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС поименно назвал те республики, области, края и министерства, где «негативные процессы, связанные с перерождением кадров», проявлялись «в крайних формах». Так, например, по свидетельству Первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС И. К. Полозкова, за три года в крае на 80% обновлен состав секретарей райкомов и горкомов КПСС, председателей гор- и райисполкомов. За те же годы из партии исключено 5506 коммунистов: 34% — за морально-бытовое разложение, пьянство и хулиганство, 32% — за уголовные преступления (взятки, спекуляция, хищение, растрата). Около 1500 исключенных отданы под суд, и среди них немало бывших

руководителей. В примерах такого рода — увы! — недостатка нет.

И ныне перестройку тормозят те, «кто до сих пор распоряжался на предприятии, в районе, в городе, в лаборатории, как в своей вотчине...», — отмечал на XVIII съезде профсоюзов Генсек ЦК КПСС М. С. Горбачев. — Не говоря уже о тех, кто использовал обстановку вседозволенности для казнокрадства, наживы, циничного пренебрежения нашими законами и нормами морали». Прав известный политический обозреватель А. Бовин: ОНИ уже дважды за тридцать лет отбросили НАС назад и рассчитывают «пережить» еще раз.

* * *

Таким образом, в силу названных и некоторых других особенностей социализма, как сущностного, так и конкретно исторического характера, проблемой чрезвычайной важности становится формирование «защитных механизмов», которые позволили бы предотвращать или сводить к минимуму негативное влияние субъективно-личностного фактора на развитие общества. Разумеется, «защитные механизмы» — независимо от того, обозначались ли они этим термином или нет, — в более или менее развитой форме всегда существовали при социализме. Уже В. И. Ленин указал на их двоякую направленность, призывая использовать профсоюзы «для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства», причем соотношение этих направлений необходимо рассматривать исторически. Первоначально, после победы социалистической революции, задача состояла прежде всего в том, чтобы укрепить политическую власть, оградить ее от возможного разрушения или подрыва со стороны контрреволюционных элементов. Этой цели и служили созданные тогда «защитные механизмы» (лишение бывших эксплуататоров избирательных прав, система политических преимуществ для рабочих, суровые законы, ВЧК и т. п.). По мере создания основ социализма исчезали классовые силы, враждебные новой власти. Однако основное направление «защитной» деятельности не изменилось, хотя теперь следовало уже позаботиться о гарантиях безопасности общества от возможных злоупотреблений, говоря словами В. И. Ленина, «использовать мероприятия государственной власти для защиты интересов... пролетариата от этой государственной власти».

Очевидно, что обеспечение такой защиты не есть совершенно обособленная проблема, но часть, сторона, аспект проблемы социалистического самоуправления народа, причем аспект очень важный, заслуживающий постоянного, пристального внимания науки и практики — недооценка его уже слишком дорого обошлась обществу. Очевидно также, что теоретическая разработка даже в основных чертах системы «защитных механизмов» — механизмов реализации защитной функции социалистической демократии — не является задачей этой статьи. Самое большее, на что можно рассчитывать, — это постановка вопроса и привлечение к нему внимания общественности.

Думается, эта более чем актуальная проблема заслуживает изучения в качестве самостоятельной комплексной темы или, как минимум, в качестве особого направления в рамках комплексной темы «Развитие социалистической демократии как социалистического самоуправления народа», сформированной в настоящее

время. Здесь же хотелось бы обосновать лишь несколько соображений дискуссионного характера, которые могли бы стать предметом обсуждения в печати в связи с вынесением на предстоящую XIX конференцию КПСС вопроса о мерах по дальнейшей демократизации жизни партии и общества. Остановимся при этом, главным образом, на тех предложениях, которые, правда в иной связи, уже высказывались в научных и популярных изданиях.

Не переставая быть самим собой, социалистическое общество не в состоянии устранить отмеченные выше объективные условия, детерминирующие гораздо большее, чем при капитализме, воздействие человеческого фактора на развитие общественной системы (преимущественно сознательный характер управления при наличии политической власти и руководящей партии, социально-политическое единство народа и т. п.). Однако оно вполне способно ликвидировать или свести к минимуму те причины, которые порождают или могут породить негативную направленность такого воздействия. Для этого необходимо прежде всего обеспечить переход от административно-командных форм управления страной к такой системе, где на демократических основах сочетались бы политическое руководство со стороны партии и преимущественно экономические методы управления со стороны государства с активной, самостоятельной ролью общественных организаций и коллективов трудящихся.

Не касаясь большого и сложного вопроса о структуре этой системы, в том числе о количестве необходимых звеньев аппарата, его размерах и т. п., необходимо подчеркнуть, что переход к ней, несомненно, будет процессом очень трудным и противоречивым. И для того, чтобы стать необратимым, чтобы административная система не одержала еще одной победы над ростками обновления, он сам нуждается в политических гарантиях, суть которых состоит в том, чтобы поставить все под контроль народа. Хорошо известны первые важные шаги, сделанные в направлении такого контроля. Это выборность руководителей всех рангов при тайном голосовании и выдвижении нескольких кандидатов на каждую должность, которое, вероятно, позволит не только полнее использовать в интересах общества лучшие качества лучших людей, но и более надежно предохранить его от негативных личностных влияний; это гласность и конструктивная критика, зона которой значительно расширилась, однако не стала еще всеохватывающей; это предложенное членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС А. Н. Яковлевым введение научной экспертизы технических, экономических, социальных проектов и т. д. Предстоит, видимо, сделать еще больше, ибо практика, в том числе и современная, не раз демонстрировала, как легко поддаются бюрократическому умерщвлению и формалистическому выхолащиванию самые лучшие демократические установления, если они не содержат в себе гарантий собственного осуществления.

Насколько можно судить по ленинским работам, проблема создания таких гарантий была в числе тех, что более всего волновали организатора советского государства в последние годы его жизни. Ленинские предложения на этот счет хорошо известны. Пожалуй, главное из них состоит в том, чтобы пополнить ЦК и ЦКК рабочими и крестьянами в количестве, достаточном для обеспечения их решающего влияния на принимаемые решения. При этом «рабочие, входящие в ЦК должны быть... преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную

советскую службу..., потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми им желательно бороться. В число рабочих членов ЦК должны войти преимущественно рабочие, стоящие ниже этого слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян...» (В. И. Ленин) — иначе говоря, рабочие и крестьяне не по происхождению, а по социальному положению на момент выборов.

Достоинства такого преобразования центральных органов В. И. Ленин видел и в укреплении их связи с массами, и в повышении авторитета, и, наконец, в том, что входящие в них рабочие лучше, чем кто-либо другой, могут заняться улучшением и пересозданием аппарата управления.

Не последняя роль в этом плане создания рабоче-крестьянского ядра в центральных органах партии отводилась и «защитным» функциям: благодаря такому ядру, во-первых, уменьшалось бы влияние чисто личных и случайных обстоятельств в ЦК и понижалась опасность раскола; во-вторых, это резко ограничило бы, следовательно, возможности субъективизма и злоупотреблений. «Члены ЦКК, обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая, «не взирая на лица», должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни Генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел» (В. И. Ленин).

Итак, даже самые высшие органы политического руководства — ЦК и Политбюро — и их руководителей следует, по Ленину, поставить под контроль народа в лице его выборных представителей, причем контроль постоянный, а не от съезда к съезду, и непосредственный контроль над оперативной деятельностью и тактическими решениями, где вероятность ошибок и нарушений, пожалуй, выше, чем при выработке стратегической линии.

Поскольку история не знает, как известно, сослагательного наклонения, вряд ли стоит строить предположения о том, скольких трагических страниц не было бы в летописи Советской страны в случае полного осуществления этой ленинской идеи. Однако в рамках курса на демократизацию полезно, наверное, обсудить вопрос о целесообразности ее реализации с некоторыми коррективами в настоящее время. Думается, в пользу такой целесообразности свидетельствует все, сказанное выше о человеческом факторе и необходимости «защитных механизмов» в системе социалистической демократии, а главное — исторический опыт. Коррективы же могут быть следующими.

Во-первых, поскольку интеллигенция уже давно стала социалистической, есть все основания включить ее представителей в рабоче-крестьянское ядро руководящих органов. Главное — сохранить ленинский принцип формирования этого ядра из людей, не занимающих административных постов, не принадлежащих к системе управления. Ныне такие люди составляют ничтожную часть и приглашаются скорее для представительства, чем для реальной работы.

Во-вторых, «рядовые» рабочие, крестьяне, интеллигенты должны составлять прочное ядро не только в центральных, но во всех органах партии, общественных организаций, Советов народных депутатов и трудовых коллективов, должны, как

предлагал Ленин, присутствовать с правом контроля и решающего голоса на всех заседаниях бюро, комитетов и т. п. различных уровней. Необходимо преодолеть нынешнюю практику, когда в большинство исполнительных органов, на которые приходится основная часть реальных управленческих функций, включаются несколько (иногда — один—два) членов «без портфелей», не имеющих возможности существенно повлиять на дела.

В-третьих, по крайней мере, часть членов центральных партийных и других органов, не являющихся профессиональными управленцами и политиками, целесообразно избирать не на съездах, конференциях и т. п., где основная масса голосующих не знает деловых и человеческих качеств кандидатов и вынуждена, не рассуждая, поднимать руки за тех, кого отобрали «наверху», а на собраниях крупных партийных или общественных организаций при тайном голосовании и нескольких кандидатах на каждое место, предоставив тем самым организациям, и только им, право отзыва. Это ограничило бы возможности давления штатного аппарата на несогласных и избавления от них.

Само право отзыва представляет собой чрезвычайно важный, однако чрезвычайно плохо работавший до настоящего времени «защитный механизм». Для того, чтобы он стал действенным, необходим целый ряд условий.

Во-первых, закрепленный законом универсальный характер права отзыва: классики марксизма полагали, что при социализме все без исключения должности станут выборными, а все без исключения выборные должностные лица — сменяемыми в любое время. Сделав шаги в этом направлении, мы не дошли еще до желаемой цели, даже с юридической точки зрения.

Во-вторых, организованность избирателей: трудно ее ожидать, например, при современной системе выборов в Советы, когда граждане в качестве членов коллектива выдвигают одних кандидатов (по месту работы), а голосуют — за других (по месту жительства), зачастую тут же забывая, чьи фамилии стояли в бюллетенях, опущенных в урну. Не случайно В. И. Ленин видел одно из отличий пролетарской демократии от буржуазной в замене территориальных округов производственными единицами. Несмотря на некоторые технические неудобства, такая замена целесообразна, думается, и сейчас. Она, несомненно, повысит роль трудовых коллективов в политической системе социализма. Для неработающих же избирателей прежние правила остались бы в силе.

В-третьих, право отзыва перестанет быть формальным, сможет выполнить свои «защитные» функции, если будет создан надежный механизм его реализации. Один из вариантов — регулярные опросы общественного мнения (и прежде всего о соответствии занимаемым постам руководителей различных рангов) с обязательной публикацией результатов. Причем в отличие от правил, принятых в западных странах, где такие опросы служат обычно критерием оценки эффективности или неэффективности избранных политических технологий, падение доверия коллектива (народа) ниже определенного уровня означало бы досрочные выборы.

В условиях социально-политического единства общества и партийного руководства им важные «защитные» функции может и должен выполнять «так сказать, плюрализм социалистический» — если воспользоваться выражением М. С. Горбачева. Этот тип плюрализма, в отличие от буржуазного, почти не исследован

советскими обществоведами. В первом приближении можно лишь сказать, что он отличается от своего предшественника принципиально иной идейно-политической платформой — социалистической, в рамках которой и разворачивается многообразие идей и мнений, самостоятельность политических и других организаций.

Социалистический плюрализм — многогранное явление, утверждение которого в различных сферах происходит неравномерно. Быстрее всего — в идейной области: в материалах средств массовой информации недоброй памяти «единодушное одобрение» постепенно уступает место сопоставлению различных точек зрения, хотя и здесь немало противоречий. Некоторые из них отразились в произведениях искусства. Так, героя телефильма «При открытых дверях» тревожит то, что раньше все безусловно поддерживали прежний курс, а ныне столь же безусловно поддерживают новый. Гораздо медленнее развивается этот процесс в сфере политической.

Известно, что несмотря на прямые указания XXVII съезда КПСС и Пленумов ЦК, продолжается вмешательство партийных органов в оперативную деятельность Советов, хозяйственных и других организаций. В иных же областях и республиках, где реальная власть партийных руководителей мало отличалась от генерал-губернаторской, а каждое их указание, отождествляемое с линией партии, беспрекословно выполнялось, все эти организации работали буквально под диктовку сверху, независимость суда подрывалась «телефонным» и «селекторным» правом. Излишне повторять, сколь благоприятную почву для субъективизма и злоупотреблений это создавало.

Представляется, что формы и методы партийного руководства обществом должны были определены законом, который установил бы не только права и полномочия, но и границы этих прав, не только то, что может тот или иной орган, руководитель, но и то, чего он не может, и обязательно — ответственность за нарушение соответствующих юридических норм. В известной степени подобные меры по упорядочению функций центральных экономических ведомств уже намечены июньским (1978 г.) Пленумом ЦК КПСС. Сделать то же в отношении партийного руководства обществом — значит укрепить основы самостоятельности масс при социализме.

С точки зрения развития социалистического плюрализма представляется заслуживающим серьезного внимания и предложение превратить Верховный суд СССР в конституционный суд, либо, критически осмыслив опыт Югославии, создать систему конституционных судов, в которых граждане и их организации имели бы право обжаловать законность принимаемых на любом уровне управленческих решений, устанавливать их соответствие социалистическим принципам и общепризнанным нормам права. С другой стороны, в случае необходимости такие суды могли бы рассматривать вопрос о совместимости или несовместимости с Конституцией деятельности новых общественных движений, которые уже возникают и, надо полагать, будут возникать впредь, очевидно, решать споры между государственными и общественными организациями и т. п. Вероятно, о гарантиях независимости такого суда пришлось бы позаботиться особо.

Еще один субъект системы «защитных механизмов» в социалистическом

обществе образует, так сказать, «экология» партии и управленческого аппарата, предотвращение, по возможности, засорения их бюрократами, карьеристами, людьми аморального, а то и криминального типа. И здесь необходимо сказать прямо: тысячи крат повторенная политическая формула о том, что принадлежность к партии не дает никаких дополнительных прав, а несет лишь большие обязанности, не вполне соответствует действительности. Хотя январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС рекомендовал смелее выдвигать беспартийных, в соответствии с их конституционными правами, на руководящие посты, преимущественным правом занимать такие посты на практике пользуются коммунисты. Таким же правом располагают они при поступлении в аспирантуру по общественным наукам и избрании по конкурсу на соответствующие кафедры.

Конечно, узаконивая или вводя вопреки закону подобную практику, руководствовались самыми благими намерениями, но почти поголовная партийность управленцев и обществоведов не предотвратила застойных явлений ни в политической системе, ни в общественной науке. Абсолютизация же подобных принципов подбора кадров, как не раз приходилось наблюдать в жизни, оборачивается ухудшением кадрового состава.

Да, несомненно, партия — это передовая часть народа, и члены ее в массе своей, среднестатистически, сознательнее и активнее остальных граждан. Но из этого отнюдь не следует, что каждый коммунист сознательнее и активнее каждого беспартийного! Подбирая же кадры на руководящую должность или кафедру общественных наук, мы имеем дело не с массой, а с личностью. Здесь-то и необходим индивидуальный подход, вопрос о котором так остро ставился на XXVII съезде партии. Несомненно и то, что партийность общественной науки и партийный билет в кармане ученого — вовсе не одно и то же. Вспомним хотя бы, как Ф. Энгельс в последние годы жизни, не входя ни в одну рабочую партию, оставался фактическим идейным руководителем международного рабочего движения.

Представляется, что все еще существующие преимущества, связанные с членством в партии, подлежат безусловной отмене. Кадры необходимо подбирать исключительно по деловым и морально-политическим качествам, а не по партийной принадлежности. Вступление в КПСС должно диктоваться только идейно-политическими мотивами, его следует очистить от прагматических соображений. В противном случае в борьбе за честный и чистый облик партийца решающих побед ожидать не приходится.

Разумеется, хорошо зарекомендовавшим себя беспартийным руководителям и обществоведам необходимо открыть дорогу в партию. Поэтому предлагаемые меры, способствуя улучшению кадрового состава, не только не ослабят, а, напротив, укрепят ее руководящую роль.

Подобные «экологические» меры в отношении управленческого аппарата осуществить значительно сложнее, чем в партии, так как управленческая деятельность, как и всякая другая, нуждается при социализме в материальном стимулировании. В условиях распределения по труду желание человека улучшить свое материальное положение, работая больше и лучше, занимая таким образом более высокие должности, — явление совершенно нормальное. Поэтому пора, видимо, признать, что выведенное из опыта Парижской коммуны предложение

классиков марксизма об установлении работникам управления заработной платы, не превышающей средний заработок рабочего, есть мера экстраординарная, есть одно из проявлений неизбежного в переходный период возврата к «наивному» демократизму (В. И. Ленин). А в наших условиях она привела бы лишь к дефициту или ухудшению кадрового корпуса.

Уже сейчас социологи отмечают парадоксальные факты. Например, среди организаторов сельскохозяйственного производства в Алтайском крае желающих занять нижестоящую должность гораздо больше, нежели претендентов на более высокий «пост».

Однако вызывающие недовольство народа натуральные льготы и преимущества необходимо пересмотреть, как предлагал на XXVII съезде КПСС Б. Н. Ельцин, и после гласного обсуждения частью отменить, частью же, возможно, упорядочить, зафиксировав в законе, поскольку именно натуральные льготы с их не всегда очерченными границами создавали и создают благоприятные условия для злоупотреблений.

Наконец, принадлежность к партии или занимаемая руководящая должность должны, вероятно, рассматриваться в случае совершения уголовного преступления в качестве обстоятельства, отягощающего, а отнюдь не искупающего вину, как нередко случалось до сих пор. Один из примеров тому — данные проверки КПК при ЦК КПСС в Кривом Роге, согласно которым приписки были обнаружены на 53 предприятиях, а руководители привлечены к ответственности лишь на 5; из 44 руководящих работников, совершивших уголовно наказуемые действия, 20 оставлены в партии. Это характерно, разумеется, отнюдь не только для Кривого Рога. Едва ли нужно обосновывать антивоспитательную роль такой линии в кадровом вопросе и необходимость линии прямо противоположной.

Возникает вопрос: можно ли гарантировать надежность «защитных механизмов», приведя в действие уже существующие, воплотив в жизнь разработанные последними пленумами ЦК и предлагаемые в научной и периодической печати? Можно ли вообще решить проблему только юридическим и организационными средствами? Очевидно, нет. Если все будет поставлено под контроль народа, то уровень его культуры, особенно политической, станет решающим фактором реальности такого контроля. Неожиданно актуально, хотя и в совершенно ином контексте, звучит ленинская мысль о том, что недостатки нашей системы управления «коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры» и что «в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки». И если, как уже говорилось, в 70-е гг. командно-административные формы правления вступили в противоречие с выросшим культурным уровнем масс, то в условиях радикальной реформы хозяйственного механизма и развития самоуправленческих начал этот уровень оказался уже недостаточным.

«Сегодня отчетливо видно: многие трудности перестройки, обновления общества рождены недостатком культуры в самом широком ее понимании»,— говорил на XX съезде ВЛКСМ М. С. Горбачев. Иначе и быть не могло: культура, как известно, формируется в процессе деятельности, и нельзя, скажем, научиться демократии и всем ее атрибутам, иначе, как на собственном опыте, действуя в условиях демократии.

Однако административная система, с одной стороны, десятилетиями воспитывала поколение управленцев, стиль общения которых с подчиненными и начальством выражался классическими формулами: «не потерплю!» и «чего изволите?»; с другой же стороны, ограничивала социальную активность масс или придавала ей формальный, часто бессмысленный характер. У большинства людей живы еще в памяти времена, когда не только на торжествах — на пленумах и даже съездах партии чуть не каждое выступление превращалось в панегирик или заздравную песнь в честь политического руководителя. Отзвуки таких выступлений, хотя они и не поощряются, нет-нет да раздаются и ныне.

Личный опыт убеждает: не ушли в прошлое и «потемкинские деревни», которыми на местах ласкают глаз высоких гостей из центра. Правда, нынешним очковтирателям стало труднее: поскольку проверяющие теперь не всегда склонны заранее устанавливать маршрут, приходится превращать на несколько часов в выставки дефицитных товаров уже не один—два, как было раньше, а десятки магазинов, рынков и т. п. Но результат остается прежним: дезинформация руководства и возмущение вольных и невольных зрителей политической трагикомедии.

Все это лишний раз показывает, как важно направить и наличные идеологические средства на «выдавливание раба» из подчиненного, господина — из управляющего, поощрять демократизм в стиле руководства, манере общения, пресекать и высмеивать барство. Безусловной поддержки и внимания заслуживают в этой связи намеченные в постановлении Политбюро ЦК БКП «О необходимости глубоких перемен в атрибутах власти...» меры по изменению стиля политического руководства: прекращение возвеличения живущих политических деятелей всех рангов, наградений в связи с юбилейными датами, сокращение пышных празднеств и парадов, упрощение церемоний встреч и проводов партийных и государственных руководителей, сугубо деловое освещение их выступлений и поездок в средствах массовой информации и т. п. (Аргументы и факты.— 1987.— № 34. С. 2).

* * *

Нам следует, наконец, научиться извлекать уроки из собственного прошлого. Исключительная важность «защитной» функции социалистической демократии, необходимость защиты перестройки, шире — самого социалистического общества — от субъективизма и злоупотреблений властью должны быть признаны общественной наукой, найти свое место в теоретической системе политической идеологии социализма, войти в общественную психологию масс. Испытывая естественный эмоциональный подъем от того, что нынешнее руководство СССР последовательно проводит во многом новаторский курс, общество не может благодушеествовать. Любое руководство не вечно и не гарантировано от ошибок. Поэтому тревога общественности за будущее нашего развития не только оправданна — она жизненно необходима, вероятно, в обозримом будущем должна оставаться перманентной.

Прав драматург А. Гельман: историческую судьбу, которая повернулась «лицом» к нашему поколению, нужно собственными силами «довернуть», чтобы она вновь не показала нам «спину»! Не боясь двойной, тройной страховки и

перестраховки, необходимо, пока есть возможность, создать избыточно надежную систему «защитных механизмов» социалистической демократии, чтобы «человеческий фактор» никогда не смог сыграть в нашей истории консервативной или разрушительной роли. Только тогда путь в будущее станет более прямым и менее драматичным, а великие достижения перестанут покупаться столь же великой ценой.

АВАНГАРД В АРЬЕРГАРДЕ: КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ?

ОПУБЛИКОВАНО: ВЕЧЕРНИЙ ОМСК.— 1989.— 31 ИЮЛЯ, 1 АВГУСТА.— № 177, 178.
С. 2.

Полемические заметки о политическом лидерстве

В последнее время вопрос о том, нуждается ли социалистическое общество в руководстве партии, о возможности в нашей стране многопартийности и об отношении к возникающим самостоятельным политическим объединениям стал предметом полемики в печати, а еще более — в устных дискуссиях, которыми так богата сейчас наша жизнь. Пожалуй, наибольшего накала достигла эта полемика на I съезде народных депутатов СССР. Позиции спорящих весьма далеки от недоброй памяти «единодушного одобрения»: на одном «фланге» те, кто видит «крамолу» и «подрыв устоев» уже в самой постановке вопроса, на другом — полагающие, что однопартийность — корень всех бед, а многопартийность — от них панацея. Немало и таких, кто заявляет: пусть коммунисты нами руководят, мы не против, только сначала пусть наведут порядок в собственной партии.

В этой борьбе традиционные политические направления как бы меняются местами: левые (защитники нетоварного, уравнительного социализма) выступают ярыми консерваторами и, независимо от желания, союзниками бюрократии, а правые, стремящиеся «перестроить» общество на буржуазных началах — крайними революционерами и поборниками демократии. Думаю, пора уже политикам и средствам массовой информации от выражений типа «некоторые договариваются до того, что нужно создавать новые партии», — выражений, призванных внушать священный трепет, и тем, о ком говорят, переходить к постановке вопроса по существу, обсуждая иные точки зрения.

И тогда оказывается совершенно очевидным, что искомое решение политической задачи в самом общем виде содержится в ней самой: если мы хотим, чтобы страна развивалась на социалистической основе, то само собой разумеется, что такое развитие может обеспечить только партия, опирающаяся на социалистическую, марксистскую теорию, точно так же, как в условиях капитализма меняющие друг друга буржуазные партии при некоторых различиях объединяет именно исходное представление о том, что основой общественной системы является частная собственность со всеми ее социальными и политическими атрибутами. Помимо этого общего тривиального соображения, в обоснование необходимости при социализме политического руководства коммунистов можно привести ряд конкретных аргументов.

Первое. Социализм, как тысячи раз сказано, можно, в отличие от других типов общества, создать лишь сознательно, на основе научной теории, для проведения которой в жизнь партия абсолютно необходима. Следует со всей определенностью сказать: если наше общество рискнет «плыть по воле волн» в море современных социально-экономических отношений, оно почти наверняка «причалит» к тому же берегу, от которого попыталось оттолкнуться в 1917 году, причем «пристань» окажется не на Флориде или Хоккайдо, а где-нибудь в Латинской Америке или даже Азии. Не могу поэтому согласиться с экстравагантными заявлениями о том, что социализма больше там, где его не «строили», например, в королевстве Швеция (Новый мир.— 1988.— № 11. С. 187). Во-первых, в Швеции «строили» социализм, хотя бы и в социал-демократическом варианте («Шведская модель» невозможна без активного и чрезвычайного квалифицированного управления); во-вторых, «построили» в Швеции все-таки капитализм, хотя во многих отношениях гораздо более привлекательный, чем статистический социализм в СССР.

Второй аргумент — позиция В. И. Ленина. Она, конечно, не догма, но, безусловно, одна из политических координат для каждого социалиста. Как известно, в полемике с «Рабочей оппозицией» В. И. Ленин решительно выступал против попыток ослабления партийного руководства, хотя и оговаривал возможности различных форм его существования в различные исторические периоды (Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 43. С. 94—95).

Третье. Любое общество нуждается в гарантиях не только против застоя, но и в гарантиях стабильности. Ее, прямо скажем, высокий уровень в развитых капиталистических странах, помимо эффективного производства и товарного изобилия, обеспечивается также эффективным использованием экономических механизмов воздействия на власть (на выборах, как правило, побеждает тот, кто затратил больше денег, средства массовой информации и тиражирования «массовой культуры» принадлежат в основном «большому бизнесу» и т. д.). В условиях социализма, где подобные механизмы отсутствуют, необходимы иные гарантии стабильности, предохраняющие его, особенно в кризисные и переломные моменты, от реставрации старого, возможных колебаний в настроениях, выплескивания национальных чувств и т. п. Одной из таких гарантий может и должна служить авангардная роль партии.

Четвертое. Необходимо учесть опыт развития других социалистических стран, как «нормального», так и кризисного. В последнем — увы! — недостатка нет. И каждый раз, когда вставал вопрос о судьбе нового общественного строя, его противники избирали главным стратегическим направлением своих ударов именно партию, справедливо видя в ней, в ее авангардной роли один из устоев не только сталинской модели социализма, но и социализма вообще. Думаю, в данном случае противнику вполне можно доверять.

Во многих социалистических странах, как известно, накоплен положительный опыт многопартийности, но до настоящего времени их политические системы основывались не на борьбе оппозиционных партий и смене их у власти, а на соглашении о совместном осуществлении этой власти, на политическом союзе, предполагающем признание руководящей роли коммунистов. Использование в СССР такого опыта представляется вполне возможным и не содержит в себе никакого риска. Однако, как показал, например, опыт ПНР, подобная система сама

по себе не гарантирует в достаточной мере общество от субъективизма и злоупотреблений властью.

Иное дело — партии оппозиционные, опыт деятельности которых при социализме минимален и ограничивается, пожалуй, недавними выборами в ПНР и проектом венгерского закона, допускающим возможность возникновения оппозиционных политических объединений. Вряд ли нашей стране следует стремиться здесь к лидерству, разумнее подождать хотя бы первых результатов и изучить их.

Первые из таких результатов весьма противоречивы: в Польше, например, «Солидарность» завоевала практически все места, доступные ей по условиям соглашения, однако она не готова управлять страной и не вполне представляет, что делать со своей победой, так же, как правительственная коалиция, сохраняющая благодаря соглашению большинство мест в Сейме, не знает, что делать со своим поражением. Поэтому представляется более целесообразным использовать существующие возможности однопартийной системы.

В этой связи не утратили актуальности не получившие большинства на XIX Всесоюзной конференции КПСС идеи делегатов о том, что роль социалистической оппозиции вполне может выполнять, например, печать, если газеты из органов партийных комитетов превратить в органы партийных организаций, избирая редакции на съездах и конференциях, а редакторов печатных органов Советов — на сессиях или съездах и т. п. Далеко не использованы еще и возможности массовых гражданских движений, способных выступить по отношению к КПСС как партнеры и здоровая критическая сила.

Применительно к местным условиям автор вносил уже на заседании дискуссионного клуба при Центральном райкоме партии следующее предложение: подобно тому, как большинство «неформалов» высказываются за сотрудничество со здоровыми силами в КПСС, этим последним необходимо сотрудничество со здоровыми силами новых самостоятельных организаций. Если, например, «Диалог» поддержал коммуниста А. В. Минжуренко на выборах в высший орган власти страны, почему бы коммунистам (в том числе, скажем, Центральному райкому) не поддержать одного из конструктивно мыслящих лидеров «Диалога» на местных выборах? Тем более, что ныне курс на диалог (да простится мне невольный каламбур) с самостоятельными объединениями провозглашен официально, а новый руководитель Ленинградской партийной организации прямо предложил сотрудничество местному Народному фронту и «зеленым».

Теоретически, конечно, можно себе представить политическую систему социализма, скажем, с двумя марксистскими партиями, которые, имея единые основные цели, расходились бы в представлении о средствах их реализации и сменяли друг друга у власти в зависимости от настроений избирателей подобно тому, как меняются у власти буржуазные партии в США. Уже сейчас — и об этом не раз говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев — в партии существуют группы, настроенные более консервативно и более радикально, чем современное руководство, — группы, между которыми идет борьба за влияние. Однако практические шансы на реализацию двухпартийной системы, вероятно, крайне малы.

Во-первых, как показывают исследования на математических моделях

общественных процессов, выполненные группой Н. И. Амосова, при двух партиях с исходной общей идеологией возможен дрейф общества к капитализму (Литературная газета.— 1988.— № 40. С. 13) — вспомним то, что говорилось выше о вероятных последствиях стихийного развития для современного социализма. Конечно, эти выводы могут быть и ошибочными, поскольку исходные параметры «человеческой природы», заложенные в основу модели (жадность, лидерство и т. п.), весьма спорны, но других результатов пока нет.

Во-вторых, практика свидетельствует: если уж в социалистических странах возникают новые партии, стоящие в оппозиции к правящим, они, как правило, бывают антисоциалистическими. Это верно и для нашей страны: «Демократический союз» — единственная из новых политических организаций, открыто заявляющая о своей оппозиционности КПСС,— включил в свою Программу и положение об оппозиционности существующему общественному строю. И хотя эта Программа содержит во многом справедливую критику нынешнего положения и привлекательные общедемократические лозунги, идеалом общественного устройства для ее авторов служит новый усредненный и облагороженный демократический капитализм.

Вероятно, социализм в наше время, если не приукрашивать действительность, не достиг того уровня стабильности, когда можно было бы спокойно взирать на деятельность его политических противников, подобно тому, как мирится с деятельностью коммунистов правящая буржуазия на Западе. Видимо, признание Конституции страны, а значит, и Октябрьского выбора, остается естественной границей социалистического плюрализма. Вместе с тем решение вопроса о конституционности или неконституционности той или иной политической организации не должно быть прерогативой отрядов особого назначения, Комитета госбезопасности или даже партийных органов, как это обычно бывает сейчас. Такие вопросы, безусловно, относятся к компетенции суда или конституционного надзора. Нынешняя же практика лишь плодит злоупотребления и поднимает авторитет всех, кто «против», независимо от того, что они имеют «за».

Итак, вопрос об отношении к одно- или многопартийной системе при социализме нельзя ставить абстрактно: «или — или», поскольку последняя теоретически может быть представлена, по крайней мере, в трех вариантах: 1) система с союзническими партиями — вариант апробированный и вполне безопасный для социализма, но сам по себе не гарантирующий достаточной эффективности управления; 2) система с оппозиционными социалистическими партиями (например, двухпартийная) — вариант, заслуживающий внимания, но не апробированный, нуждающийся в дальнейшем исследовании, а на практике маловероятный; 3) система с оппозиционными антисоциалистическими партиями — вариант практически более вероятный, который вряд ли следует считать заведомо неприемлемым в будущем, при ином уровне социальной стабильности (возможно, в этом случае вопрос вообще «отпадет» сам собой), но в нынешней ситуации способный поставить под сомнение социалистический характер дальнейшего развития страны, резко обострить процессы дестабилизации общества.

Из сказанного видно, что жесткие обвинения в адрес коммунистов,

признающих возможность существования в СССР других политических партий,— обвинения, не выясняющие вопроса, какие именно партии имеются в виду,— основаны в лучшем случае на недоразумении или политической прямолинейности. Речь не идет, конечно, о том, чтобы искусственно создавать в стране новые партии. Речь — о необходимости для КПСС выработки четкой и гибкой политической позиции в отношении тех называющих себя партиями организаций, что уже возникают или могут возникнуть в будущем. На это нельзя закрывать глаза, рассуждая в стиле чеховского «ученого соседа»: этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Партии нужны верные теоретические ориентиры. Окончательное же решение вопроса в случае необходимости вправе принимать только высший орган власти, избранный народом.

Не лишенные риска эксперименты с политической оппозицией могут оказаться неизбежными, как в Польше и в Венгрии, где иными методами, по-видимому, не удастся выйти из кризиса. Представляется, однако, что подобная необходимость в СССР возникнет лишь в том случае, если демократические возможности однопартийной системы будут использоваться так же плохо, как в последние 60 лет, если не удастся решительно поднять авторитет партии, основанный не на прямом или косвенном насилии (т. е. в конечном счете на авторитете карательных органов), а на реальных результатах управления и личных достоинствах коммунистов. Для того, чтобы поднять этот авторитет, необходимы срочные и решительные меры, которые можно подразделить на три основных направления или «блока».

Во-первых, следует вывести партию из-под критики хотя бы по тем вопросам, где это возможно сделать немедленно, причем, конечно, не зажимая рты недовольным, а устраняя причины недовольства. Предложение в срочном порядке разработать антикризисную программу оздоровления экономики и начать реализацию этой программы уже звучало на апрельском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС и на I съезде народных депутатов СССР. Чем быстрее оно будет воплощено в практику, тем лучше и для народа, и для правящей партии, хотя вряд ли следует рассчитывать на немедленный эффект.

Но если наполнить рынок доступными и высококачественными товарами в один момент никому не удастся, то, например, ликвидировать то, что возмущенная общественность называет привилегиями партийного аппарата, можно и должно.

В тех случаях, когда проблема вообще обсуждается, а не объявляется с самого начала вымыслом либо попыткой дискредитации, в защиту необходимости особой системы распределения для руководящих работников выдвигается обычно два аргумента. Во-первых, широкая распространенность такого распределения: каждое крупное предприятие имеет, как правило, собственные столы заказов, клиники и т. д. Во-вторых, необходимость стимулирования управленческого труда, оплата многих видов которого в СССР явно занижена: в условиях дефицита «натуральное» стимулирование оказывается значительно эффективнее денежного, отмена же его может привести не только к ослаблению кадрового корпуса, но и к усилению сращивания управленческого аппарата с работниками торговли и другими распорядителями дефицитных благ.

Однако эти аргументы представляются отнюдь не бесспорными, более того, возможен прямо противоположный ход рассуждений: именно потому, что

существует дефицит, массовое сознание особенно остро реагирует на малейшую несправедливость в его распределении, причем в обстановке, когда со страниц и экранов звучат «рассказы очевидцев». Пытаться убедить людей, что этого нет или что слухи сильно преувеличены, значит провоцировать еще и обвинения во лжи. Напротив, поскольку деньги — один из немногих «товаров», в которых на рынке недостатка нет, повышение заработной платы управленческим кадрам в тех случаях, когда ныне существующая не соответствует затратам и квалификации труда, представляется линией более естественной и справедливой — разумеется, при условии общего сокращения аппарата и непомерных издержек управления. Как известно, такова была и позиция соратника В. И. Ленина наркома финансов СССР Г. Я. Сокольников.

Добавим к этому, что именно существование особых, «аппаратных», благ и услуг, с одной стороны, избавляет руководителей от личной заинтересованности в ликвидации дефицита, а с другой — создает кастовость, отделенность их повседневной жизни от насущных проблем бытия «простых» людей. Разумеется, сказанное относится отнюдь не только к партийному аппарату, но именно ему следовало бы подать пример другим звеньям системы управления.

Безусловной отмене подлежат, конечно, и привилегии для членов партии вообще: занимать руководящие посты, ездить за границу, поступать в аспирантуры по общественным наукам и на соответствующие кафедры, положение о привлечении к суду после исключения из КПСС и т. д.

В нынешнее время требуется принципиально новый подход и в ротации кадров. То, что произошло с кадрами в 1985—1986 гг., когда сменилось 40 процентов первых и около половины всех секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов, — явление, безусловно, положительное. Однако оно вполне укладывается в рамки отечественной исторической традиции, когда с приходом к власти нового руководства существенно меняется и аппарат, который затем остается более или менее стабильным, пока лидер сохраняет свой пост. Такова была кадровая политика И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, только место лагерей и расстрелов заняла более или менее почетная отставка. И нынешний предмет нашей официальной гордости — ограничение сроков пребывания первых руководителей у власти — позволит большинству их занимать свои кресла 10—15 лет.

Но главное не в этом. Даже в период наиболее активной ротации меняли, как правило, первых на вторых, вторых — на третьих, тех и других — на работников аппарата ЦК, т. е. на людей той же административно-командной системы, которая десятилетиями выполняла негативную селекцию, очищаясь от «яростных» и «непохожих». Удивительно ли, что партийные руководители в критических ситуациях типа событий в Армении и Азербайджане проявляют зачастую полную беспомощность, неспособность не только к решительному действию, но и к убедительному для людей слову?

Наблюдая за процессом обсуждения кандидатуры Генерального прокурора СССР на I съезде народных депутатов СССР, не мог отделаться от ощущения, что руководители страны стремятся как можно быстрее избавиться от «избыточного» авторитета и доверия народа. Речь, конечно, не о виновности и не виновности А. Я. Сухарева, а совсем о другом — о популярности или непопулярности. Факт его

непопулярности, особенно в Москве, не подлежит сомнению, и выдвижение подобной кандидатуры подрывает авторитет партии несравненно больше, чем все резкие замечания в ее адрес народных депутатов вместе взятые. Это и есть самодискредитация партийных руководителей, а заодно и партии в целом. И если прямо сейчас эту ошибку уже не исправить, то совершенно необходимо избежать ей подобных, формируя республиканские и местные органы власти.

Однако и внутриаппаратная ротация кадров явно замедляется в последнее время, когда клятвы в верности решениям XIX Всесоюзной партийной конференции сочетаются с действиями, прямо противоречащими ее духу. Возьмем хотя бы проблему альтернативных выборов в партии. Вот что говорил об этом на конференции М. С. Горбачев: «По новым требованиям, которые мы с вами утвердим, секретари всех рангов будут у нас избираться из двух, трех или больше кандидатур тайным голосованием на Пленумах. Значит, они должны пройти проверку демократическим путем...» (Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС.— М., 1988. С. 105). Для сравнения приведем, например, выдержку из материалов пресс-конференции первого секретаря Омского обкома КПСС Е. Д. Похитайло:

Вопрос: «Почему... не было альтернативности при выборах первых секретарей горкомов, райкомов? Замены произведены до конференции?» (Добавим к этому, что на альтернативной основе не избран ни один секретарь городского и областного комитетов партии.)

Ответ: «Выборы из двух и более кандидатур не обязательны. Но там, где необходимо, на это надо идти. Например, на альтернативной основе (были две достойные кандидатуры) проходили выборы первого секретаря Центрального районного комитета партии» (Омская правда.— 1988.— 19 декабря. С. 1).

Итак, альтернативных выборов нет, потому что нет достойных кандидатов, а определяют, кого считать достойными кандидатами, как раз те, кто уже занимает посты. Не ясно ли, что до тех пор, пока партийные руководители сами будут «хозяевами своей судьбы» или, лучше сказать, «кузнецами своего счастья», дело не сдвинется, и партии придется по-прежнему расплачиваться за их грехи?

Зададимся вопросом: почему первое Советское правительство было, по мнению многих деятелей культуры, самым талантливым в мире, а к началу 80-х годов у нас осталось не так много руководителей высшего ранга, способных ходить без поддержки и говорить без бумажки? Ответ очевиден: революция сломала старую, иерархическую систему власти, и наиболее талантливые организаторы, полководцы, теоретики, воспитанные вне системы управления, оказались сразу на самом верху. В обычных же (а тем более в застойных) условиях служебная «лестница», как правило, либо сбрасывает с себя талант, либо его медленно убивает по мере восхождения на каждую следующую ступень.

Мы нередко величаем наше время революционным. Не пора ли обратиться к революционным методам и в кадровой политике? Для этого необходимо, во-первых, избирать всех партийных руководителей только на альтернативной основе непосредственно на конференциях и съездах; а во-вторых, не ждать каждый раз двух «положенных» сроков, а отработать механизм отзыва не соответствующих должности в любое время, как того требовали классики марксизма; в-третьих, изменить порядок выдвижения руководителей так, чтобы не только аппарат, но и

первичные организации имели право предлагать свои кандидатуры на должности членов бюро и секретарей комитетов различных уровней, вплоть до областного и республиканского, а областные и республиканские партийные организации — на должности членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС, вплоть до Генерального.

Отнюдь не утратила своей актуальности и ленинская идея пополнения высших партийных органов рядовыми рабочими и крестьянами (в настоящее время это относится, конечно, и к рядовым интеллигентам), что не только поставило бы центральный аппарат под непосредственный и оперативный контроль народа, но и вдохнуло бы свежую струю в процесс решения кадровой проблемы. Кстати, после апрельского (1989 г.) Пленума в ЦК образовались и «вакантные» места.

Уверен: талантов в стране и партии достаточно и сейчас. Нужно лишь открыть им дорогу и, конечно, сделать равнодоступными для членов и не членов КПСС все должности, кроме чисто партийных.

И, наконец, главное: для того, чтобы партия могла успешно выполнять свою руководящую роль, функции политического авангарда, необходимо вернуть ей статус действительно правящей партии. Эта формулировка является парадоксальной только на первый взгляд. Да, абсолютное большинство тех, кто реально управляет,— члены партии, но из этого отнюдь не следует, что все или большинство членов партии могут и готовы реально участвовать в управлении страной или хотя бы в решении собственно партийных проблем. Чтобы рассеять сомнения на этот счет, достаточно напомнить лишь некоторые обстоятельства, характеризующие внутреннее положение в партии.

Минимум гласности (имеется в виду именно ее внутривнутрипартийный аспект). По существующему со сталинских времен и поныне положению рядовые коммунисты не имеют доступа к материалам районных, городских и т. д. партийных комитетов, раскрывающим методы их работы, а члены этих комитетов — права свободного пользования всеми материалами, имеющимися в распоряжении бюро и аппарата (Правда.— 1989.— 2 января.— С. 2). Коммунисты знают не больше беспартийных о том, что происходит на пленумах, а особенно на заседаниях бюро комитетов их собственной партии. Вряд ли можно считать проявлением внутривнутрипартийной гласности закрытые письма ЦК, время от времени зачитываемые на собраниях. За 12 лет пребывания в партии автор ни разу не обнаружил в этих письмах не только какой-либо особо ценной информации, но вообще ничего, что стоило бы делать «зкрытым».

Конечно, государственная тайна существует и в обозримом будущем сохранится. Считаю, однако, что при отсутствии организованной политической оппозиции у партии, называющей себя партией всего народа, тайн от этого народа в идеале быть не должно. Тайны же «комитетские» или «тайны бюро», не доступные коммунистам, вообще выглядят абсурдом или анахронизмом, особенно в эпоху гласности.

Минимум выборности. Как ни парадоксально, даже в 30-х годах ее было больше, чем в «застойный» период, когда выборы свелись к «подбору и расстановке», на последнем этапе оформленным вотумом доверия. Специальные инструкции закрепляли правило, по которому в список для тайного включалось ровно столько кандидатов, сколько нужно избрать. Само собой разумеется, что при таком порядке мандатные комиссии могли писать свои доклады, не дожидаясь

результатов «выборов». О том, как вопреки идеям XIX Всесоюзной партийной конференции аппарат противится введению реальной выборности, речь уже шла.

Минимум контроля «снизу». И. В. Сталин не только не реализовал ленинскую идею о том, чтобы члены Центральной контрольной комиссии, составленной в значительной степени из «рядовых» рабочих и крестьян, присутствовали в известном числе на заседаниях Политбюро, добивались строжайшей правильности дел (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387), но ликвидировал и саму ЦКК. Подобное положение сохранилось и до сих пор: члены выборных партийных комитетов не имеют права присутствовать на заседаниях подотчетного им бюро (Правда.— 1989.— 2 января. С. 2), а партийный контроль все тем же бюро всецело подчинен.

Стоит ли в таких условиях удивляться, что, начиная с XXVII съезда КПСС, с самых высоких трибун говорится о необходимости возвращения выборным партийным комитетам их уставной роли? Но корень проблемы, как представляется, глубже. С конца 20-х годов в результате свертывания демократии партия из субъекта политического руководства обществом превращается, как и все общество, в объект командно-административного управления, другими словами, утрачивает свою руководящую роль. Это командно-административное управление, первоначально осуществлявшееся в режиме личной власти, которая опиралась на аппарат, но не давала ему чрезмерно усиливаться (тогда он мог бы стать угрозой диктатору), в период «застоя» все более превращается в управление анонимно-аппаратное. «Будем откровенны,— говорилось на XIX Всесоюзной конференции КПСС,— в условиях командно-административной системы, когда партийный распоряжался всем и вся, подчас нелегко было разобраться, где у партийного комитета и партийного секретаря подлинный авторитет лидера, а где в лучшем случае «авторитет должности»... (Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. С. 151).

Действительность, таким образом, оказалась «элитарнее» самых неосторожных сталинских формул: «орденом меченосцев» стала не партия, большинство членов которой были так же отчуждены от власти, как и прочие «смертные», а управленческий аппарат — партийный, государственный, огосударственных общественных организаций. Иначе говоря, при сохранении внешней формы содержание превратилось в свою противоположность: политическое руководство партии — во власть аппарата.

В этой подмене состоит едва ли не главная причина крайней неэффективности многочисленных политических и управленческих экспериментов и кампаний как в СССР, так и в других социалистических странах. В ней же — главная угроза руководящей роли партии и социализму вообще, по крайней мере, после разгрома внутренней вооруженной оппозиции. Если этого не признавать, по традиции полагая, что в сталинские и последующие времена партия как таковая располагала реальной властью, то вполне логично выглядит программное положение «Демократического союза» о том, что именно власть, «партократия», и стала причиной происшедшей исторической драмы и что только избавление от партийного руководства может стать гарантией от повторения чего-либо подобного в будущем. На деле же ситуация прямо обратная: трагические социальные эксперименты, злоупотребления властью и преступления — следствие не

руководящей роли партии, а, напротив, главным образом, утраты партией этой роли.

Да, КПСС в лице ее руководства взяла на себя ответственность за случившееся, но следовало бы еще выяснить, за что именно она может и должна отвечать. Вряд ли вина рядовых коммунистов за сталинизм или «застой» много больше, чем вина беспартийных: для тех и других это, скорее, беда. Историческая вина партии, на мой взгляд, в другом: она не смогла выполнить роли политического руководителя общества, поскольку в условиях административно-бюрократической системы оказалась не в состоянии противодействовать тенденциям к превращению собственного аппарата в своеобразную «партию в партии», а себя самой — в некое подобие «аппарата аппарата».

Думаю, не будет преувеличением сказать, что именно сверхвластие руководящего аппарата нанесло коммунистическим партиям социалистических стран вред, не сопоставимый с результатами деятельности всех «подрывных элементов», «агентов иностранных разведок» и действительных внутренних противников, вместе взятых. В самом деле, кто привел Венгрию к кризису 1956 года, а Польшу — к кризису 1980—1981 гг., может быть скрытые враги? Ничуть не бывало: они лишь воспользовались ситуацией, решающий вклад в создание которой внесло руководство М. Ракоши и Э. Герека. То же самое можно сказать о современном положении в СССР, вежливо именуемом «предкризисным»: лишь слегка поколебленная власть аппарата, тормозящая экономические и политические реформы и способная тем самым толкнуть страну к открытому общественно-политическому конфликту, потенциально гораздо опаснее, чем «Демократический союз», который может обрести массовую поддержку лишь при сохранении и углублении экономической и социальной нестабильности.

Во избежание возможного неверного понимания или умышленного искажения следует подчеркнуть: автор не разделяет модного в настоящее время стереотипа «поисков крайнего» (по выражению депутата Г. Х. Попова) — стереотипа, согласно которому все «аппаратчики» «одним миром мазаны», и, едва они будут «ликвидированы как класс», страна двинется вперед семимильными шагами. На самом деле, в аппарате есть, конечно, разные люди: управленцы различных уровней — едва ли не большинство известных стране сторонников радикальной перестройки. Суть дела, однако, не столько в людях, сколько в системе власти и управления: изменить ее — и лучшая часть аппарата будет работать на общество, а худшая окажется отторгнутой подобно тому, как прежде отторгались наиболее способные и самостоятельные. «Ликвидированных» же классов и истребленных «врагов» в нашей советской истории было уже столько, что хватило бы на много стран и эпох. Результаты известны.

Таким образом, в настоящее время вопрос должен ставиться не просто о восстановлении ленинской концепции партии, что уже предлагалось в «Правде», а о восстановлении реального политического статуса партии как правящей. Для этого необходимы, как минимум, условия двоякого рода.

Во-первых, максимальная демократизация партии, опережающая по темпам демократизацию общества в целом (включая гласность, выборность, сменяемость, контроль «снизу»). Пока эти темпы значительно ниже, чем в ряде государственных и общественных организаций, хотя недостатка в предложениях по этой части не

было ни на XIX партконференции, ни в партийной печати. По-видимому, далеко не все руководители оказались способными осознать даже то, что понял в свое время царь Александр II: если существующую систему не отменить «сверху», она сама собою начнет отменяться «снизу».

Что же касается идеи, которая парадоксальным образом объединяет зарубежных сторонников «перестройки» социализма в капитализм и отечественных бюрократов — идеи о том, что демократизация общества подорвет позиции партии, то в масштабах страны это не подтверждается практикой. Напротив, на нынешних «безразрядных» выборах среди депутатов коммунистов значительно больше, чем на прежних. Другими словами, авторитет многих членов партии остается высоким, хотя рашидовы, медуновы и чурбановы сделали едва ли не все возможное и невозможное, чтобы уронить престиж ее как организации, от имени которой они творили зло.

Еще раз: демократизация угрожает не позициям КПСС, а бюрократической части аппарата. Любая правящая партия может мечтать о таком представительстве в Парламенте, которое имеет КПСС. Если же народным депутатом не избирается тот или иной непопулярный аппаратчик, партия в целом от этого только выигрывает: ее будут меньше дискредитировать.

Поражение более трех десятков партийных секретарей обкомов и горкомов на недавних выборах — не поражение партии, но сигнал о том, что нельзя слишком долго испытывать хваленное И. В. Сталиным долготерпение народа. Насколько позволяет судить наличная информация, в некоторых республиках падение авторитета аппарата сказалось уже и на партии в целом, и на ее членах, так что дальнейшее промедление с реформами в КПСС может оказаться поистине смерти подобно!

Во-вторых, надо всемерно поддерживать объединение в партии всех действительно здоровых общественных сил, наиболее талантливых, активных и честных людей, имеющих склонность к политической деятельности. Для этого необходимо:

снять социальные ограничения на прием в партию (что провозглашено, но в жизнь не проводится), руководствуясь только позицией человека в перестройке и реальным вкладом в ее продвижение, а также общечеловеческим пониманием честности и порядочности;

дополнить порядок приема правилом, по которому желающий стать коммунистом должен получить «вотум доверия» более половины членов своего коллектива (включая беспартийных) при анонимном опросе;

ввести аналогичную процедуру при аттестации коммунистов;

практически осуществить принцип, согласно которому исключение из партии или выход из нее не повлекут никаких административных последствий (разумеется, когда речь не идет о преступлениях);

отменить преимущества членов КПСС по сравнению с беспартийными в том, что касается поступления в вузы, приема на работу, занятия руководящих должностей, выезда за границу и т. д., о чем уже говорилось выше.

Разумеется, возможны и иные меры, да и предложенные, вероятно, не бесспорны. Но уверен: все это укрепило бы партию, помогло ей быстрее очиститься от балласта, прекратило бы приток в нее карьеристов. Программу

внутрипартийных реформ следовало бы как можно скорее принять на внеочередном XXVIII съезде КПСС.

Подведем итоги. Только положив конец власти аппарата, поставив его себе на службу, а не служа ему, партия может стать действительно правящей. Только став правящей, она будет в состоянии быстрее, эффективнее решать существующие проблемы, не сама отлаживая систему социалистических общественных отношений, а, как того хотел В. И. Ленин, помогая народу научиться делать это самостоятельно (Правда.— 1989.— 2 января. С. 2). И только в этом случае не будет ставиться под сомнение ее право и долг быть авангардной силой, а вместе с тем и выбор, сделанный в Октябре 1917. В противном же случае партия окончательно утратит свою ведущую роль, а политическое лидерство перейдет к другим общественным организациям. Такова реальная альтернатива.

ПО ПУТИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Опубликовано: Вечерний Омск.— 1988.— 15 июня. С. 2 (в рубрике «Обсуждаем Тезисы ЦК КПСС к XIX Всесоюзной конференции КПСС»). Первоначальное название «Власть — Советам».

Думаю, большинство читавших Тезисы ЦК согласятся с тем, что, если намеченные меры будут приняты, а главное — воплощены в практику, если их не постигнет судьба госзаказа и прочих хороших начинаний, это станет большим шагом на пути демократизации общества. Ограничение срока пребывания на руководящих постах, принцип состязательности при проведении выборов партийных органов, восстановление полномочия Советов, сокращение лишних звеньев беспредельно раздутого аппарата — за эти и многие другие положения Тезисов обеими руками проголосует каждый, у кого они не отнимают жирного куса общественного пирога или холопского удовольствия быть «повелеваемыми» и наслаждаться покоем, ибо «наверху» уже все продумано.

Однако время недоброй памяти «единодушного одобрения» прошло, хочу надеяться, навсегда, и нельзя, особенно обществоведам, ограничиваться простой поддержкой Тезисов. Нужно идти дальше, дальше... Вот лишь некоторые соображения дискуссионного характера.

1. «Защитные механизмы»

В нашумевшей статье «Причины и следствия» (Урал.— 1988.— № 1) ее автор Сергей Андреев подметил общий недостаток многих партийно-правительственных постановлений последних десятилетий: эти постановления принимались с расчетом на то, что все, кому положено, будут их выполнять. Думается, не вполне свободны от этого недостатка и Тезисы ЦК КПСС. В самом деле, представим себе, что удалось решить одну из главных политических задач современного этапа нашего развития — разграничить функции партийных, советских и хозяйственных органов. Но что делать, если партийные комитеты различных уровней будут продолжать командовать Советами, как это сплошь и рядом делается сейчас? Куда обратиться коллективу, общественной организации, права которых ущемлены? Очевидно, в законе о разграничении функций нужно определить не только границы «возможного и невозможного», но и санкции за их нарушение, а также механизм реализации этих санкций. Один из вариантов — система конституционных судов,

уже давно существующая в Югославии. Важную «защитную» роль могло бы сыграть также восстановление Центральной контрольной комиссии — органа, который, согласно Ленину, призван контролировать оперативную деятельность партийных органов и руководителей, вплоть до Политбюро и Генерального секретаря ЦК.

Говоря об этом, не могу согласиться с политической формулой, прозвучавшей в омских средствах массовой информации с легкой руки делегата XIX партийной конференции А. К. Грезина: «Перестройке не нужны защитники, перестройке нужны участники». Сам делегат — человек эрудированный, имеющий определенную политическую позицию и по отношению к реформе управления экономикой настроенный достаточно радикально. Однако независимо от намерений, от трактовки понятия «защитники», объективное политическое содержание формулы, на мой взгляд, сводится к двум моментам: 1) пусть каждый занимается своим делом, предоставив большую политику тем, кому положено ею заниматься; 2) перестройку незачем и не от кого защищать.

Не акцентируя внимание на том, что Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев не раз говорил прямо противоположное (каждый волен иметь свое мнение), нужно сделать одно замечание по существу. Именно непонимание необходимости защиты, излишняя вера общественности в то, что теперь-то все пойдет нормально и т. п., помогли краху политического процесса, начатого XX съездом КПСС, и экономической реформы 1965 года. Поэтому всякое благодушие и успокоенность сейчас непростительны. Тревога общественности за будущее нашего развития не только оправданна, она жизненно необходима и в обозримом будущем должна оставаться перманентной.

Да, перестройке нужны участники, но еще больше — защитники, ибо из печати и жизни мы знаем, что последние часто рискуют профессиональной карьерой, добрым именем, психологическим комфортом, и поэтому их так остро недостает. Думаю, верным лозунгом омской делегации и наказом ей от коммунистов могла бы стать иная формула: «Защитить перестройку, помочь ей словом и делом!» В этом смысле, на мой взгляд, заслуживает также внимания идея создания демократического фронта, предложенная в Эстонии, — фронта не только содействия перестройке, но и ее защиты. Возможны и другие меры «защитного» характера.

2. Советам — всю полноту власти!

Призывы разграничить функции, покончить с подменой советских и хозяйственных органов партийными звучали на XXVII съезде КПСС и последующих Пленумах ЦК. Немало их было и прежде. Однако результатов практически нет и, думаю, быть не могло. Можно сколько угодно призывать партийных руководителей не вмешиваться, не подменять, не администрировать (вероятно, некоторые и внемлют). Нельзя только, будучи материалистом, думать, что от всего этого, в принципе, можно избавиться, пока первым политическим лицом в районе, области, стране будет секретарь соответствующего партийного комитета, а не советский руководитель. Ведь кто за все отвечает, обычно всем и распоряжается, особенно когда функции не определены законом? Вспомним: В. И. Ленин был не Генеральным секретарем ЦК, а Председателем правительства

(Совета Народных Комиссаров), и именно советские выборные должности рассматривались как ключевые. Прибавим к этому, что более высокое положение партийных руководителей в «табеле о рангах» едва ли соответствует демократическим принципам: если мы, коммунисты, имеем хотя бы абстрактную возможность избирать лиц, занимающих ключевые политические посты, то беспартийные такой возможности лишены вовсе. Передать всю власть Советам, а партии оставить общее политическое руководство обществом — значит сделать важный шаг по пути преодоления отчуждения народа от власти, а именно эта задача поставлена в Тезисах ЦК.

3. Сменяемость руководящих кадров

В порядке покаяния надо сказать, что, сосредоточив внимание на принципиально ином, чем при капитализме, характере власти в социалистическом обществе,— характере, который определяется отсутствием господствующего класса,— наша общественная наука, большей частью, правда, не своей охотой, умалчивала о том, что, с точки зрения форм, процедур, механизмов организации политической жизни, мы не только не превзошли буржуазную демократию, а во многом от нее отстали. Взять хотя бы процедуру выборов, которые в большинстве случаев давно, по сути, превратились у нас в назначение. Думаю, практическое воплощение идей, заложенных в Тезисах ЦК, позволило бы преодолеть отставание и в этих вопросах, а с учетом иного характера нашей власти — значительно выйти вперед по уровню реальной демократии.

Однако общество, претендующее на соответствие ленинской концепции социализма, не может довольствоваться мерками буржуазной демократии и в вопросах форм, процедур и механизмов. Маркс и Ленин, как всем известно, считали признаком власти трудящихся не просто выборность всех без исключения должностных лиц, но и их сменяемость в любое время. К сожалению, это положение не отражено в Тезисах ЦК. Правда, оно декларируется в некоторых юридических актах, но почти не осуществляется на практике, по крайней мере, по инициативе снизу.

Право отзыва должностных лиц перестанет быть формальным, если будет создан надежный механизм его реализации. Это могут быть, например, опросы общественного мнения с регулярной публикацией их результатов. Причем в отличие от правил, принятых в капиталистических странах, где такие опросы служат обычно критерием оценки эффективности или неэффективности политического манипулирования, падение доверия коллектива (народа) ниже определенного уровня означало бы досрочные выборы.

Кстати, о самих выборах. В Тезисах ЦК специально оговорено право выдвижения на любую должность или место более одной кандидатуры, что, безусловно, заслуживает поддержки. Однако жизнь много раз убеждала, что самые лучшие демократические установления легко поддаются бюрократическому выхолащиванию и умертвлению, если не продуман вопрос о гарантиях. Из текста Тезисов следует, что можно выдвигать, а можно и не выдвигать более одной кандидатуры, и бюрократия наверняка будет склоняться к последнему варианту. Думаю, надежнее было бы зафиксировать обязательное выдвижение нескольких кандидатур на каждое место или должность, выдвижение же единственного

кандидата допускать лишь в случае отказа всех остальных и оговорить специальным решением, которое принималось бы 3/4 голосов при тайном голосовании. Такая «принудительная» демократия необходима хотя бы временно, пока новая традиция не закрепится в политической культуре.

Не менее важно максимально сократить число ступеней избирательной «лестницы»: ввести прямые (по первичным организациям) выборы делегатов на все конференции и съезды, прямые (на конференциях и съездах) выборы секретарей всех партийных комитетов, вплоть до Генерального секретаря ЦК КПСС. Ныне многоступенчатость — действенное средство отчуждения рядовых коммунистов от принятия важнейших партийно-политических решений.

4. Посредством самого народа

Фраза К. Маркса об управлении народом посредством самого народа многократно встречается в политических документах последнего времени и известна едва ли не каждому школьнику старших классов. В недавнем прошлом, однако, дело представлялось так, что мы или уже достигли такого управления, или вот-вот к нему придем. В доказательство приводились цифры о количестве в Советах рабочих и крестьян.

Вместе с тем ни для кого не секрет, что в большинстве органов, располагающих реальными управленческими функциями, члены, не принадлежащие к аппарату управления, составляют ничтожное меньшинство и не имеют возможности существенно повлиять на дела, да и они нередко подбираются по принципу «удобства». Не случайно, проанализировав результаты выборов в Верховный Совет СССР, — выборов, процедура которых демократичнее, чем, скажем, на партийные съезды и конференции, — Ю. Буртин (Известия. — 1988. — 29 апреля) делает вывод о том, что в Советы попадают преимущественно начальники и молчаливники. Удивительно ли, что при таком положении интересы первых при непотрогании вторых нередко оказываются независимыми от интересов общества, а иногда — противоположными этим интересам, что произошло массовое перерождение кадров и т. п.?

Путь к решению проблемы указан еще в 1923 году В. И. Лениным. Как известно, он предлагал пополнить ЦК и Центральную Контрольную Комиссию рабочими и крестьянами в количестве, достаточном для обеспечения их решающего влияния в этих органах, причем рабочими и крестьянами не по происхождению, а по социальному положению на момент выборов. Это поставило бы высшие исполнительные органы партии и их руководителей под непосредственный контроль народа в лице его выборных представителей, причем контроль постоянный, а не от съезда к съезду, и абсолютно необходимый, ибо бесконтрольная власть, как заметил Михаил Шатров, развратит и святого.

Нельзя обойти эту важнейшую идею, говоря о возвращении к ленинизму. Однако время, думаю, требует внести в нее некоторые коррективы. Во-первых, поскольку интеллигенция уже давно стала социалистической, есть все основания включить ее представителей на равных в рабоче-крестьянское ядро руководящих органов. Главное — сохранить ленинский принцип формирования этого ядра из людей, не занимающих административных постов. Во-вторых, «рядовые» (не выше руководителя среднего звена) рабочие, крестьяне, интеллигенты должны, думается,

составить прочное ядро (например, 60 процентов) не только в центральных, но во всех органах партии, общественных организациях, Советах народных депутатов и советах трудовых коллективов. В-третьих, по крайней мере, часть таких членов руководящих органов целесообразно избирать не на съездах, конференциях и т. п., где основная масса голосующих не знает деловых, политических и человеческих качеств кандидатов и вынуждена, не рассуждая, поднимать руки за тех, кого отобрали «наверху», а на собраниях крупных партийных или общественных организаций при тайном голосовании и нескольких кандидатурах, предоставив тем же организациям, и только им, право отзыва. Это ограничило бы возможности давления штатного аппарата на несогласных, возможности избавления от них.

Знаю, многие считают ленинское предложение, о котором идет речь, архаичным или утопичным, иронизируя над возможностями «кухарок» и «кухаркиных детей» управлять государством и самими собой. Нелишне напомнить поэтому, что Ленин считал подобный предрассудок нелепым, диким, гнусным и мерзким. В том, что это предрассудок, убеждает и личный опыт. Работая в середине 70-х годов в одной из ШРМ Омска, я знал немало парней, по уровню политической культуры стоявших выше иных студентов-старшекурсников исторического факультета педагогического института (не в обиду последним будь это сказано).

Что действительно необходимо, так это изменить принцип отбора политиков из народа. Конечно, демагогу-бездельнику среди них не место, но не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: не всегда передовик производства — это лучший общественный деятель. Последнему необходимы умение выйти за рамки профессиональных интересов, политическая культура, гражданское мужество, определенные организаторские и ораторские навыки. Уверен: таких талантов, как и всяких других, в народе вполне достанет, если искать именно их, а не тех, кто «единодушно голосует и громко хлопает».

Считаю необходимым вынести, хотя бы спустя 65 лет, эту принципиальную ленинскую идею на обсуждение партийной конференции. Другого столь же прямого и надежного пути к тому, чтобы покончить с отчуждением народа от власти, у нас нет.

ОДНА, МНОГО ИЛИ НИ ОДНОЙ

Интервью корреспонденту газеты «Молодой сибиряк» В. Добрынину

Опубликовано: Молодой сибиряк.— 1990.— 24 марта. С. 5.

О. С. В застойные времена, когда совершенно серьезно считалось, что однопартийная система — это наше великое завоевание, мне очень нравился такой анекдот. «Вопрос: каково кардинальное средство от всех видов буржуазной заразы? Ответ: одна партия и один партнер». Теперь у нас возникла другая крайность. Говорят, что многопартийность — прививка от фашизма. Увы, в условиях кризиса прививкой от фашизма она быть не может, хотя в условиях нормально действующего высокоразвитого общества это эффективный политический механизм.

Корр. Последняя фраза дает возможность предположить ваше позитивное отношение к многопартийности.

О. С. Я оговариваю право трудящихся создавать политические организации, в

том числе и партии. Демократической ориентации.

Корр. Только демократической?

О. С. Да. Если обращаться к политологии, то известны, по крайней мере, три концепции о связи количества партий и политического режима в стране.

Во-первых, до недавнего времени у нас единственно приемлемой считалась теория однопартийной демократии. Ее активно пропагандировал аппарат, но я не стал бы все сводить только к этому. С ней были солидарны и некоторые зарубежные социологи. Например, Стивен Коэн допускал возможность однопартийной демократии при условии демократии внутри партии и контроля партии над обществом. Совсем недавно по французскому телевидению выступил бывший советский диссидент философ Александр Зиновьев, который доказывал, что нормальная многопартийность возможна только при капитализме, а в СССР она превратится в соперничество мафий. Но, как бы к этому не относиться теперь, многопартийность — лишь вопрос времени, и причем ближайшего.

Вторая концепция — концепция многопартийной демократии. Как известно, именно так обстоит дело в большинстве развитых стран, и довольно успешно эта система там работает.

Ну и наконец, существует еще и концепция беспартийной демократии. К ней склоняются анархо-синдикалисты (у нас и за рубежом), а также многие так называемые альтернативные движения (только за рубежом) типа «зеленых» и все прочие, которые мы относим к массовым демократическим.

Корр. И как же рассуждают сторонники беспартийной демократии? Не думаю, что у нас это освещено широко.

О. С. Они говорят о том, что если существуют политические партии, будь то одна или несколько, то интересы граждан подменяются собственно партийными интересами. Стивен Коэн, например, утверждает, что задача американских партий — загнать избирателей к урнам. По мысли сторонников беспартийной демократии, в этом случае прямое представительство народа нарушается. Политическая борьба приобретает самодовлеющий характер, партия ставит себе целью прийти к власти, расставить везде своих людей на выгодные должности и т. п. Тут, кстати, мнение анархо-синдикалистов довольно близко подходит к мнению традиционного марксизма, относящемуся, правда, лишь к капиталистическому обществу.

Корр. Олег Николаевич, а разве не может быть такого, что, если партия стремится получить власть и везде расставить своих людей, пусть и в собственных интересах, это будет удовлетворять, в конце концов, и интересы народа? Пусть не всего, пусть той части, которая поддерживает эту партию. И если другая часть народа видит, что эта партия ей невыгодна, то на выборах ее «прокатывают», выдвигая соперничающую. И так далее.

О. С. Я ведь не сказал, что согласен с мнением сторонников беспартийной демократии. Я просто добросовестно излагаю их точку зрения. В вашем возражении есть доля правды. Однако, если обратиться к данным социологических исследований на Западе, стандартный ответ там такой: я не люблю партий, партии преследуют только свои цели, занимаясь политической борьбой. Повторюсь, что «зеленые» стараются организовать не по принципу партий, а по принципу движений, считая, что в этих условиях возможностей для проявления личности

больше. Я, кстати, не исключаю, что в отдаленном будущем именно эта концепция окажется правильной. Ее сторонники убеждены в том, что если трудовые коллективы и территории будут напрямую делегировать в органы власти своих представителей, то последние будут лучше выражать интересы людей, нежели традиционные политические партии. Но для нас это, очевидно, в данный момент неприемлемо. Мы должны пройти этап политического плюрализма. Если беспартийная демократия окажется перспективной теорией, то, думаю, Запад к ней придет быстрее, чем мы.

Корр. Ну да, они ведь уже испробовали многопартийную систему.

О. С. И осознали не только ее плюсы, но и минусы. Для наших республик многопартийность — это уже не будущее, а реальность. Кстати, тот же самый Коэн еще летом говорил, что в Союзе практически многопартийная ситуация при однопартийной системе.

Корр. Это очень точно подмечено.

О. С. Да. Я бы еще добавил, что и система не совсем однопартийная. Тут я солидарен с Джорджем Оруэллом, с его идеей о том, что фактически существуют две партии: внешняя и внутренняя. Считается обычно, что у нас партия подменила Советскую власть. Это не совсем так. Советскую власть подменила не партия. Советскую власть подменили партийные органы. Власть фактически принадлежит не партии, а группе людей, которые не только не избраны народом, но фактически никем не избраны. Власть я имею в виду местную, потому что наверху существует двоевластие или, как некоторые шутят, двоебезвластие. С одной стороны, это Политбюро ЦК, а с другой стороны, это съезд народных депутатов и Верховный Совет.

Корр. Совершенно понятно, что если мы хотим нормального прогресса, то нужно быстрее передавать власть Советам.

О. С. Согласен. И в этой связи, думаю, надо коснуться президентских проблем.

Еще когда МДГ выступала за президентство, я был его противником. На это есть целая серия аргументов, один из них такой: мы предлагали «Вся власть Советам», а теперь отдадим ее Президенту, т. е. изымем у Советов часть власти. Кроме того, мне очень понравилось возражение депутата А. Денисова: «Это на Западе всякого рода сдержки работают против президентской власти, предотвращают превращение ее в диктатуру...» Я, конечно, не думаю, что Горбачев может стать диктатором. Характер не тот и имидж не тот.

Корр. Ну, имидж можно и поменять, а характер у него не такой уж и мягкий.

О. С. Повторяю, что я не думаю, что Горбачев может стать диктатором, — он заложник своей репутации в обществе. Но, думаю, что место для диктатора может быть создано. И даже если Президента выберут на многопартийной основе, альтернативно, всенародно и т. д., все равно это не исключается. (Интервью состоялось 12 марта 1990 г. — **В. Д.**) Главное другое. Действительно другие традиции. Продолжу прерванный пересказ цитаты того же Денисова: ни Сухареву, ни Смоленцеву (Генеральный прокурор СССР и Председатель Верховного Суда СССР) даже в кошмарном сне не приснится, чтобы они привлекли к импичменту нашего Президента. Я был и остаюсь сторонником парламентской формы правления, при которой высшее должностное лицо — это премьер, ответственный перед высшим органом власти. Я хорошо понимаю, что идею президентской власти

первоначально выдвигали во имя демократии. Но ведь политологам известно, что президентская республика менее демократична, чем парламентская, зато более стабильна. У нас не хватает и того, и другого. В России вообще обычно недостаток свободы заменяли избытком воли. Но надо определиться, чего все-таки мы хотим. Я согласен с теми, кто считает, что можно добавить временно функций нынешнему Председателю Верховного Совета, если их не достаёт для достижения стабильности. Ну а президентская власть... Появись сейчас сильный человек в условиях хаоса, он может быть выбран. В конце концов, я думаю, что после войны Сталина выбрали бы всеобщим голосованием.

Возвратимся к основной проблеме. Во-первых, многопартийность — это уже свершившийся факт на уровне республик. Во-вторых, на уровне страны она будет, думаю, делом ближайшего будущего. И здесь есть два интересных вопроса. Первый — откуда она придет. Одни считают, что придет она извне компартии, и спорят только о количестве зачатков партий — от двадцати до пятидесяти. Другие считают, что многопартийность явится результатом раскола самой КПСС, в частности, профессор Б. Курашвили предполагает возможность раскола на три партии, различающиеся среди прочего по отношению к демократии и частной собственности. Традиционная коммунистическая, лидером которой он пророчит Лигачева. От этого предзнаменования хочется поежиться и произнести: избави нас Бог от таких коммунистов, а с антикоммунистами мы уж как-нибудь справимся! Второй вариант: партия демократического социализма, т. е. партия, стоящая на демократической платформе, но с ограниченным вариантом частной собственности. Могу сказать, что если такой раскол произойдет, то сюда, очевидно, попаду и я. Третий вариант — социал-демократический — с широким допущением или даже неограниченной частной собственностью.

Корр. Это Гавриил Попов, Юрий Афанасьев...

О. С. Афанасьев — точно. А вот Попов — надо подумать. Возможно. Моя позиция здесь — при третьем варианте: мы получим не современный цивилизованный, а ранний капитализм.

Хочу сказать, что я как коммунист полагаю: сознательно линии на раскол вряд ли надо придерживаться. Мне кажется, демократическое крыло партии должно бороться не за раскол, а за завоевание преобладающих позиций. При прямых альтернативных выборах на съезд это возможно. Если захотят консерваторы отколоться — это их проблемы. Торможение демократических процессов партии нужно рассматривать как политическое самоубийство.

Корр. Итак, многопартийность — факт уже свершившийся. Чего от нее нам ждать?

О. С. Вопрос ваш скорее всего надо рассматривать так: как использовать ее в интересах общества, а не в качестве фактора разрушительного? А такая возможность существует. Многопартийность, скажем прямо, в условиях кризиса, как, впрочем, и рынок в условиях кризиса — это социально-политические технологии повышенного риска.

Корр. Что вы имеете в виду?

О. С. История показывает, что многопартийность в условиях кризиса не гарантирует, во-первых, от законного захвата власти правыми радикалами, партией фашистского типа. Яркий пример — Германия, где Гитлера привели к власти

экономический кризис 1929—1933 гг., очень высокая социальная напряженность плюс ущемленное национальное чувство немцев.

Во-вторых, наш собственный опыт семнадцатого года, как и опыт Чили (я не провожу аналогии), убеждает: в условиях многопартийности мы не гарантированы от возможностей военного либо какого-нибудь другого политического переворота.

Кстати говоря, Имре Пошгаи, социалист крайне реформаторского направления, инициатор многопартийности в ВР, теперь с беспокойством говорит о том, что в Венгрии возникли партии, желающие установить собственную диктатуру. В Чехословакии из 22 возникших партий две — праворадикального или полуфашистского толка. В ГДР недавно Республиканскую партию Народная партия запретила по той же причине. Короче говоря, опыт есть везде. Не застрахованы от этого и мы, и надо подумать о том, как ослабить возможные негативные проявления этой системы.

Можно воспользоваться венгерским опытом, хотя он тоже не идеален. Они регистрировали партии при двух условиях: во-первых, исключение насилия как метода деятельности, во-вторых, если программа партии не направлена на ликвидацию других партий.

К сожалению, наша ситуация, советская, в последнее время напоминает все больше семнадцатый год. Растет не просто политическое размежевание, но поляризация сил. Кстати, ситуация по национально-территориальному округу у нас, по-моему, весьма красноречиво характеризовала это мое мнение: с одной стороны — Сергей Анатольевич Носовец, с другой — Владимир Николаевич Образцов. Такая вот ситуация: все более или менее средние кандидаты или группы оказались «вымытыми» на первом этапе.

О. С. Очень может быть, кстати сказать. Почему я в платформу и включил вопрос о политических партиях демократической ориентации. Держать, не давать создавать политические партии невозможно. Мы провозгласим, в конце концов, приоритет общечеловеческих интересов, правовое государство. И действовать прежними методами, «тащить и не пущать», невозможно. Но, повторяю, надо избавиться от иллюзий. Множество партий и экстремизм политический — это явление, характерное для всех стран, идущих от авторитарного, или, как модно сейчас говорить, тоталитарного режима, к режимам демократическим. Со временем, очевидно, партии объединятся в более или менее заметные блоки, но пока будет такая вот колоссальная неразбериха.

Миновать этот этап мы не можем. Очевидно, вопрос должен стоять только, как снизить возможные негативные последствия этого. И еще в заключение. В наше время рост радикальных настроений того и другого свойства, по-видимому, оправдан. Но в теперешних условиях режим более или менее демократический, или хотя бы просвещенный авторитаризм, как некоторые называют нынешнее правление, возможен, как мне кажется, только при центристском или левоцентристском преобладании. Думаю, что радикалы в ту или другую сторону больше склонны к диктатуре. Наблюдая за разными политическими направлениями, все больше прихожу к выводу, что насчет либерального режима в России будет туго. Очень часто звучат призывы искать врагов, ловить оборотней, предложения чуть ли не брать анализы на принадлежность к демократическому

направлению и так далее.

Ситуация, повторяю, во многом напоминает семнадцатый год, когда каждый претендовал на монополию обладать истиной и не очень хотел слушать других. А нам действительно нужен широкий блок демократических сил. В том числе и демократически ориентированных партий.

* * *

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что в конце 80-х гг. автор этой книги выступал как сторонник концепции регулируемой демократии, за что в свое время получил немалое количество упреков в печати, причем как слева, так и справа. Прошедшее десятилетие, однако, показало, что при всех своих недостатках регулируемая демократия для России конца 80-х гг. представляла собой меньшее из возможных зол. Как уже не раз бывало в истории, попытка ввести в России «демократию без берегов» закончилась установлением режима «авторитарной демократии» или «мнимого конституционализма» (по терминологии М. Вебера и других представителей немецкой политической философии). Разница заключается лишь в том, что «регулирующую» функцию в новой России выполняют уже не партийный аппарат, как было в советский период, и не представительные органы власти и общественного самоуправления, как предлагал автор, но суперпрезидентская власть и представители полукриминального капитала, возглавляемого «олигархами». Маховик истории сделал поворот на 180 градусов, сломав попутно скелет еще недавно могущественной сверхдержавы, а заодно — надежды целого поколения на политическую свободу и достойную жизнь.